

ДАЛИ
ИСКУССТВА

К 100-летию со дня смерти
великого русского композитора

В КОНЦЕ лета похолодало. От залива на Петербург поползли набухшие влагой тучи. Клены в Летнем саду начали желтеть и терять листья. К полудню облака чуть светлели и поднимались выше. Мусоргский приходил на службу в Лесной департамент к двенадцати часам. Садился за

ла послужить Опочинина. Уже минуло сто лет, как не стало композитора, но интерес к этой стороне его жизни не ослабевает. Это вполне естественно, ведь именно любовь, как известно из истории искусства, вдохновляла многих людей творчества на создание шедевров. Мне приходится возить на

МОДЕСТ МУСОРГСКИЙ

ой стол и начинал писать. Серый день уныло иссякал за большими окнами. Томительно и нудно тянулась давно уже раздражающая работа.

После службы Мусоргский обычно встречался с Голенищевым-Кутузовым, и они вместе шли обедать в ресторан. А отсюда на Шпалерную улицу, где снимали рядом две комнаты. И начинался разговор о музыке, о поэзии. Арсений Аркадьевич сочинял стихи, в основном melancholic, и это совпадало с настроением Мусоргского. В последнее время судьба наносила ему удар за ударом. Почти распался кружок, который столько лет называли «Могучей кучкой», и даже близкие друзья не принимали то новое в музыке, которое он утверждал. После блестящей премьеры «Бориса Годунова» в Мариинском театре в печати началась форменная травля. Кое-кто из рецензентов называл его музыку «дикой и безобразной». Было обидно до слез, а тут еще жизненная неустроенность, одиночество. Но больше всего ранили душу потери самых дорогих друзей. Скончался под Москвой верный товарищ и страстный почитатель всего, что создавал композитор, — Виктор Гартман. «Горе, горе!.. эта бездарная дура-смерть косит, не рассуждая, есть ли надобность в ее проклятом визите», — делился Мусоргский своими переживаниями с Полиной Степановной Стасовой. Боль утраты он изливал и в музыке. Почти за двадцать дней сочинил «Картинки с выставки», посвященные работам Гартмана.

Не думал тогда композитор, что этой музыке суждено жить в веках...

А через год в июне умерла Надежда Петровна Опочинина — как предполагали современники, самый близкий для Мусоргского человек. Стасов писал, что про влюбления Мусоргского никто и никогда не слышал, но все-таки с чем-то похожим на «влюбление» он относился к Надежде Петровне Опочининой. Современники предполагали, что прообразом Марфы из «Хованщины» — женщины сильной, страстной, волевой — мог-

родину Мусоргского экскурсий. Люди со всех концов нашей страны, иностранцы всегда интересуются, был ли источник вдохновения у композитора, был ли человек, к которому он испытывал особые привязанности. Вероятнее всего, что большая любовь не обошла стороной и Мусоргского. Это можно заключить из его исповеди В. В. Стасову:

«Тот, кто испытал любовь во всей ее свободе и силе, тот жил и помнит, что прекрасно жил...». И еще: «...Это то чувство, которое испытываешь при потере очень близкой и дорогой личности, с которой, как говорится, «дни делил и ночи коротал». Ключом кипела жизнь с такою личностью, и страстно жить хотелось; не стало дорогой личности — и словно в глухом лесу, ночью, только какие-то непонятные звуки слышатся и как-то близко среди нечеловеческих и неживых звуков...»

Надежде Петровне Опочининой Мусоргский посвятил немало произведений. Среди них известные романсы «Ночь», «Желание», «Надгробное письмо».

В такое трудное время душевных переживаний и потерь Мусоргский сблизился с графом Голенищевым-Кутузовым. На его безрадостные, пасмурные стихи сочинил цикл «Без солнца». И в этот осенний вечер в своей квартире на Шпалерной они говорили об издании цикла. Граф почти все лето жил на даче, и Мусоргский был рад встрече, взволнованно делился набравшим. Особенно досаждали российские порядки, от которых, как говорил композитор, было «тошнехонько».

— Ну, а что новенького вы сочинили? — Голенищев-Кутузов старался увести от крамольной темы в сторону.

— «Хованщина». Купаюсь в сведениях, голова — как котел. Русь-матушку хочу показать...

Мусоргский сел за рояль, проиграл вступление к опере. Граф, как всегда, выразил свое восхищение.

— Музыка давно вызрела, а вот записать все времени и настроения душевного нет, — вздохнул композитор.

И действительно, «Рассвет на Москве-реке» Мусоргский сочинил еще год назад, в июле. В работе у него была своя система:

вначале обдумывал тему, долго вынашивал, по несколько раз проигрывал мелодию, оттачивая ее. И только потом уже начисто аккуратно записывал на бумагу. И «Рассвет» уже давно вызрел, да только все не приходило светлое состояние для записи этой музыки...

Граф заметил, что композитор задумался, и, поспешно попрощавшись, ушел в свою комнату. За окном уже стояла глубокая осенняя ночь. По подоконнику барабанил дождь, иногда грохотали по мостовой пролетки. Мусоргский разглядывал чистый нотный лист, тяжело вздохнул. Невольно подумалось, что «Борис Годунов» создавался в лучшее время. Жил он тогда у Опочининых, где был окружен почти материнским теплом и пониманием. Хорошо работалось и когда поселились они вместе с Николаем Андреевичем Римским-Корсаковым в доме Зарембы. Там, в одной квартире, рождались две великие оперы — «Борис Годунов» и «Псковитянка». Композиторы и работали, и в гости ходили вместе. Особенно часто к сестрам Пургольд. «Корсинька», как его называли друзья, был влюблен в Надежду и потом женился на ней. А старшая — Сашенька была неравнодушна к Модесту... Соединись их пути — и, может быть, жизнь Мусоргского пошла бы по-иному.

У Пургольд собиралось много музыкантов, и Модест Петрович всегда был в центре внимания: шутил, сыпал каламбурами, пел. В один вечер он несколько раз подходил к роялю. Потом оказалось, что во время этой вечеринки он сочинил монолог Марины Мнишек.

Мусоргский опять почувствовал боль в сердце: теперь вот «Бориса» ругают. И снова полезли в голову невеселые мысли. Вот Стасов все зовет в Веймар к великому Листу. Даже свои деньги предлагает. Но ведь это значит — еще больше увеличит долги, а он и так за квартиру давно не платил. А в Веймар хотелось — хоть взглянуть на Листа. Он ведь первый из западных композиторов признал русского новатора Мусоргского. Модест Петрович уже знал, что Лист проигрывал «Дет-

скую» и она привела его в восторг: «...Как ново!.. Какие находки!..»

«Детская» была посвящена незабываемым годам, проведенным в Кареве... И сейчас Мусоргский вспомнил ту счастливую пору. Летом он вставал рано, вместе с крестьянскими ребятами бежал к озеру.

У заросшего осокой берега тихо плескалась светлая вода. Из-за отлогого холма, на вершине которого раскинулась деревенька, вставало солнце. Голубело озеро, голубели полоски цветущего льна. К озеру шли босиком по росе бабы, устраивались на причале и колотили вальками домотканые рубахи, портки. Кричали горластые каревские петухи, пахло земляникой, дегтем, свежей рыбой... Когда солнце поднималось выше, крестьянки в широких юбках, в ситцевых платках шли с граблями на луг. И пели. Как хорошо они пели! Маленький Модест мог слушать их часами. А от усадки бежала няня: «Модинька, Модинька, иди домой!» Оказывается, приехали гости, и надо им играть. Мальчик подходил к роялю, мать подкладывала на стул подушки, и он, еле дотягиваясь до клавиш, бойко играл небольшие сочинения Листа. Отец Петр Алексеевич, благодушный, хмельной, сидел в качалке с зелеными бархатными подлокотниками. А мать с нежной, мечтательной улыбкой стояла у буфета, на двери которого были вырезаны диковинные, как из сказок няни, птицы. Юлия Ивановна радовалась за сына, ведь игре на фортепьяно она сама его научила. И он преуспевал — в девять лет сумел исполнить большой концерт Фильда. А иной раз, когда наскучивало играть с нотного листа, начинал импровизировать...

За окном загрохотала пролетка. Мусоргский вздрогнул, встал, отодвинул штору. Проехал экипаж с зарешеченными окнами, с городовым на облучке.

Работая над «Борисом Годуновым» и «Хованщиной», Мусоргский перечитал сотни книг о истории и неотступно думал о судьбе русского народа.

Мусоргский поправил нагар на свечах. Обмакнул перо и на левой стороне нотной бумаги стал перечислять инструменты для симфонического исполнения «Рассвета»: флейты, кларнет, труба, скрипки... И словно зазвучал уже оркестр, новыми красками отозвалась в душе найденная раньше мелодия — светлая и чистая, как летнее утро. Она и должна быть такой, ведь в «Рассвете» ему хотелось по-

казать не просто восход солнца а пробуждение России...

Теперь в Петербурге Модест Петрович все чаще думал о том, что его судьба в чем-то схожа с судьбой Бетховена. Он так же мужественно боролся с надвигающейся трагедией и трудился. Даже друзья намекали на бетховенский принцип «парного сочинения» произведений — трагических и лирических; светлых. Только у Бетховена — симфонии, у Мусоргского — народные музыкальные драмы.

Ночь иссякала. За окном начало сереть небо. Дворники, перекликаясь, шаркали метлами, сметали с брусчатки первые опавшие листья. Мусоргский быстро писал, наклонив над столом голову с начинающей пробиваться сединами. Лицо его светлело вдохновением. Мелодия, целый год жившая в сердце, нотными знаками ложилась на бумагу. На века! В эти радостные минуты творчества композитору вспоминалось все светлое. Поездка в Москву, где так поразили памятники старины, и особенно собор Василия Блаженного: «...Москва заставила меня переселиться в другой мир — мир древности...». Но больше всего оживали в душе, заставляя играть неведомые струны, которые природа даровала гению, воспоминания о родине. Ведь все произведения Мусоргского, как и «Рассвет», рождались «на родных полях и вскорюченные русским хлебом». А родная природа, деревни, где жил простой народ, — Наумово, Карево, Волок, Шилово — всегда были опорой в творчестве, питали душу. «Сосновый воздух меня очень хорошо подзадоривает на труд... Помещаюсь в избе, пью молоко... Шли дожди три дня сряду, без устали шли. Я работал без устали, такая уж у нас с погодой линия вышла».

В окно из-за шторы уже лился свет. Город проснулся. Кричали булочники, торговцы зеленью, яблоками, свежей рыбой. Мусоргский погасил свечи, раздвинул шторы. Потом снова сел к столу, закрыл тетрадь и на первой странице написал: «Рассвет на Москве-реке». 2 сентября 1874 года. На авторской рукописи он поставил: «Петербург» — но эту самую лирическую и светлую мелодию он сочинил с душой о родном Кареве. В этом убеждает еще раз и письмо профессору и другу Владимиру Васильевичу Никольскому, который посоветовал композитору «создать «Бориса Годунова» (так же, как поэт Жуковский подсказал Глинке сюжет «Ивана Сусанина»): «Как меня тянуло и тянет к этим родным полям... недаром в детстве мужиков любил послушивать и песенками их искушаться изволил».

И так до конца своих дней Мусоргский жил и творил, вспоминая о родине.

Николай НОВИКОВ
ВЕЛИКИЕ ЛУКИ